

1.13. Греческая мифология

ТОРА упоминает Явана (Джавана), сына Иафета, как праотца греков (ионийцев)

Бытие, 10:2–4

Имя Гомер (праотца Киммерийцев, обитавших на берегах Каспийского моря), старшего сына Иафета, совпадает с именем величайшего мудреца Гомера, вошедшего в мировую историю как автор эпических поэм «Илиада» и «Одиссея». Ил – семитическое – Б-Г, тогда Илиада – ретроспективная панорама Б-ЖЕСТВЕННОГО плана Бытия.

Потомки Иафета, увлеченные своим праотцом Яваном и его сыновьями Элишей, Таршишем и Доданимом на запад от Вавилона (колыбели последней цивилизации), оказались очень энергичным и деятельным народом, жадно познающим реальный мир. Безграничная жажда познания этого мира пересиливала страх греков перед неизведанной пропастью Мироздания.

Яван и его сыновья унесли с собой огромный духовный опыт и внушительную часть Ное-Вавилонского Духоведения, но приземленный стиль мышления греков быстро привел их к антропоморфизму. Сопоставляя явления реального мира и наблюдение за корневой сутью человеческих взаимоотношений, они перенесли эмпирические знания и опыт на духовный план Мироздания. Греки облекли Б-ЖЕСТВЕННЫЕ сущности в образы, сходные с людьми. Многие южные языческие племена облекали божества в образы змей, крокодилов, тельцов и других животных, иные северные племена приготавливали вместилища для проявления духовных сил в виде устрашающих идолов и кумиров типа Перунов и Ярил. Греки же облекли Силы Природы в персонифицированные человекоподобные образы, способные страдать и любить, творить добрые дела и мстить.

Напомним, что Б-Г евреев ни в коем случае не Обладает никакими антропоморфными признаками. Сущность Б-ГА евреев в высшей степени непостижима и находится далеко за пределами понимания сотворенного (ограниченного) рассудка. Более того, иудаизм содержит проклятия и запреты на попытки проникновения в тайны Высших аспектов Сущности Бытия. Глубины Исходной СУЩНОСТИ страшны и небезопасны, Хагига предупреждает: «Есть четыре таких вещи, что тому, кто взглянет на них, лучше бы не родиться» (Хагига, 11б). Мы видим лишь Пути и Порядок Проявлений Б-ГА. Даже ЕГО нарицательные Имена: Милосердный, Все-прощающий, Могучий и др. не имеют к НЕМУ никакого непосредственно отношения. Все ЕГО Проявления существуют лишь в силу ЕГО Желания Действовать соразмерно с природой творений, и все, что в состоянии представить мысль сотворенного существа, не может быть Сущностью ВСЕВЫШНЕГО, ибо ОН несоизмеримо Совершенней любой мысли о НЕМ, и сама эта мысль существует лишь благодаря ЕГО Воле и Харизме (греч. Charisma –Благодать) – суть Б-жественному дарованию спасения.

Однако самому Творению в иудаизме, безусловно, присущи антропоморфные черты. Сотворенная Вселенная отождествляется кабалистами с Адамом Кадмоном, обладающим и Душой и Телом, с явно выраженными Мужскими и Женскими антропоморфными проявлениями. Причем Душа Адама Кадмона одета в слоистую структуру Тел с разной степенью материальности, аналогично тому, как это имеет место у обычного человека. Вместе с тем Адам Кадмон – это эталонная «программа» (зерно) Верхнего Мира, по которому проектируется сущность и формы человека в нижних мирах.

Боги греков отличались от людей лишь бессмертием и незнанием границ в выполнении своих желаний. Но выше богов греки почитали Судьбу (Мойру), определяемую неумолимым РОКОМ. Предопределение Судьбы изменить не мог никто, даже предводители богов. Таким образом, даже в участи богов греки усматривали сходство с судьбами людей. Зевс не вправе был решать исход поединка между Гектором и Ахиллом. Он спросил Судьбу, бросив жребий обоих героев на чаши золотых весов. Чаша со жребием смерти Гектора опускается вниз, и вся божественная власть Зевса оказалась бессильной помочь Его любимцу (Илиада).

Боги греков – это не какие-то оторванные от жизни, абстрактные сущности, это – живые существа, активно вмешивающиеся в жизнь людей. Боги вступают с людьми в военно-политические союзы, боги и люди связаны между собой любовными узами и дружескими привязанностями, а порой испытывают друг к другу ненависть и неприязнь. Позиция греков в отношении к богам весьма активна. Они считают, что человек в силах противостоять воле богов и сопротивляться разбушевавшимся стихиям, и даже затевать интриги против них, вступая в союзы с другими богами. Одиссей при содействии других богов стойко противостоял гневу Посейдона, могущественного бога морей.

Жизнь греческих богов и героев насыщена подвигами и страданиями. Боги греков не имеют покоя ни на Земле, ни на Небесах. Они находятся в постоянных любовных и политических интригах, а порой и в непримиримом противостоянии друг с другом. Они снедаемы страстями и жаждой власти. Порой они милосердны и

снисходительны, а другой раз грозны и мстительны.

Греческая досократовская мифология из-за своей поэтической насыщенности и человекообразного способа Мировосприятия может показаться наивной. Но на самом деле, проводя аналогию с земными процессами, грекам удалось удивительным образом передать психоаналитическую картину взаимоотношений Высших Иерархий Бытия. Ни в коем случае нельзя воспринимать древнегреческое духовное наследие как прелестную, наивную сказку Детства Человечества. Нам еще предстоит не раз возвращаться к этому наследию, открывая в нем все новые и новые грани Бытия и Миропорядка.

О происхождении Мира и Богов мы узнаем из «Теогонии» («Происхождение Богов») Гесиода (V век до Р.Х.). Согласно Гесиоду [60]: «Вначале существовал вечный, темный и безграничный Хаос. В нем заключался источник Существования и Жизни. Из безграничного Хаоса родились весь мир и боги. Из Хаоса произошла первородная Мать всего – Гея. Широко раскинулась Она – могучая, дающая жизнь всему. Из безграничного Хаоса также родился Эрос – Всепоглощающая и Оживляющаяся Любовь. Но в Хаосе же образовались и ужасные бездны – полные вечной тьмы Тартар и Мрак – Эреб и Ночь – Нюкта. Всепоглощающая Любовь Эроса воссияла из Мрака и Ночи вечным всепроницающим Светом – Эфиром и возник светлый День – Гемера. Свет (Стихия «Огонь») разлился по Миру и смешался с Тьмой, День (Гмера) и Ночь (Нюкта) стали сменять друг друга, олицетворяя непримиримую борьбу Света с тьмой. Могучая Животворящая первооснова мира – Гея породила беспредельное голубое Небо – Урана, и раскинулось Небо (Уран – стихия «Огонь» («Ур» или «Ор» на иврите – «свет», «огонь») над материей.

Современным поколениям ученых слово «уран» более известно в сочетании с числом 235 или 239. Страшная сила, таящаяся в критической массе урана-235 или урана-239 (оружейного плутония) в самом деле сродни неудержимой Энергии Небесного Урана (Огня).

Гордо поднялись в Нем высокие Горы (материальные частицы – стихия Земля), рожденные Геей. «Свет-Огонь» (Уран) могучими порывами сочелся с Первоматерией (Геей) и породили они бурлящий, вечно шумящий Вселенский Океан (стихия Воды). И погнал Уран Воды Океана и определил русла Рекам – Фетиде (Кровеносной системе) и морские течения Океанидам (Нервной системе) Вселенной. «Свет-Огонь» (Уран) закрутил также гигантские смерчи, увлекая Воду и Землю (Гею) в немислимые по масштабам Водовороты, породившие титанов (Великие звездно-планетарные духи) Астрея, Гиппериона и Тейю. Эти астральные духи Гипперион и Тейя породили Солнце (Гелиоса) и Луну (Селену). Вспыхнула в Мире румяная заря Эос (Аврора). Общность Духов Астрея и Эос (суть Люцифер) породили звезды и четыре ветра (Стихию Воздух): бурный северный ветер – Борей, восточный ветер – Эвр, влажный южный ветер – Нот и ласковый западный ветер – Зефир.

Кроме могучих Духов Титанов породила Гея от Урана ужасных чудовищ: трех одноглазых великанов – циклопов и трех громадных сторуких и пятидесятиголовых Гекатохейров. Против их ужасной силы ничто не могло устоять, она не знала предела. Эти гигантские твари были столь уродливыми и чудовищными, что Уран возненавидел свои побочные порождения и заключил их в мрачных недрах Геи (в глубинах Тартара – гравитационных воронках). Земля, собранная к тому времени вокруг бездонных недр Тартаров, безмерно страдала от этих чудовищ. Гея – Первооснова Земли, видя и ощущая ее страдания, воззвала к Титанам восстать против Урана. Но Титаны побоялись противостоять Отцу. Только младший сын Урана и Геры коварный Кронос (Хронос – Время) восстал против Могучего Урана – Вызывателя Ветров. По наущению Матери Кронос оскопил серпом Урана, чтобы остановить Его непрерывную плодovitость. Хронос (Время) расставил все на свои места, Огонь успокоился, развитие Вселенной перешло в новую фазу.

Кронос взял себе в жены свою сестру Рею. От брака с Реей родилась следующая династия богов: Гестия, Деметра, Гера, Аид, Посейдон и Зевс. От внебрачных связей богиня Ночь (Нюкта) родила в наказание Кроносу целый сонм ужасных божеств: Таната – Смерть, Эриду – Раздор, Апату – Обман, Кера – Уничтожение, Гипноса – Сон с роem мрачных и тяжелых сновидений. Ужас, раздоры, обман, борьбу и несчастья внесли эти Духи в Мир, где воцарился их отец Кронос («Время»).

По предсказанию Геи, Кронос, подобно Отцу Урану, должен был быть тоже свергнутым одним из своих потомков. Поэтому, чтобы избежать такой участи, Кронос проглатывал своих детей. Удалось спасти только Зевса. Рея по совету Геи и Урана вместо Зевса дала проглотить Кроносу камень, завернутый в пеленки. Зевс вырос на острове Крит, взлелеянный нимфами Адрастеей и Идеей. Они вскормили Его молоком божественной козы Алмафен.

Зевс, возмужав, восстал против Отца Кроноса (т. е. возвысился над неумолимым течением «Времени»). С помощью ядовитого зелья он заставил Кроноса извергнуть всех своих детей из своей утробы (небытия). Ужасна и упорна была борьба Кроноса со своими Детями. На их сторону встали и некоторые Титаны. Первым из титанов, вставших на сторону Зевса, был Океан (Стихия «Воды») со своей дочерью рекой Стикс и внуками Рвением, Мощью и Победой. Борьба длилась 10 лет, пока Зевс не выпустил из бездны сторуких великанов. Станала Земля, Грохот наполнил «Воздух», все колебалось, содрогался и Тартар.

Зевс метал одну за другой Молнии и оглушительно грохочущие Громы. Пламя охватило всю Землю, Моря,

Дым и Смерд заволокли всю Вселенную. Наконец сторонники Кроноса дрогнули и сдались. Их заковали в цепи и низринули в Тартар.

Но Гея восстала против Зевса за то, что он сурово обошелся с Ее Детьми – титанами. Она вступила в брак с мрачным Тартаром и произвела на свет ужасное стоголовое чудовище Тифона (Змия – Дракона), вышедшего из недр бездны. Зевс Громовержец обрушил на него сотни молний, казалось, что от Огня горит даже Воздух. Зевс обезглавил Стоголовую Дракона и низверг его в бездну мрачного Тартара. Но и в Тартаре Древний Змий не успокоился, он продолжает вызывать, бури Землетрясения и извержения Вулканов. В браке с Ехидной (блудницей – полумеей) Тифон породил двуглавого пса Орфа (отца Сфинкса) и адского пса Кербера (Цербера), Лернейскую гидру и Химеру.

После победы третье поколение богов разделило между собой Мир. Зевс Громовержец взял себе Небо (Воздух), Посейдон – Море (Воду), Аид – Подземное царство душ умерших (Огонь). Стихия Земля осталась в общем владении. Но все же над всеми воцарился Зевс. Он правил богами и людьми. Он ведал всем в мире. Зевс распределял на земле Добро и зло. Возвещал предначертание Судьбы (Мойры). У Зевса было три жены – Метида, Фемиды и Гера. От них Зевс имел много детей, среди них такие божества, как Гефест и Афина. Другие богини также рожали от Зевса детей: Лето – Аполлона и Артемиду; Деметра – Персефону; Диона – Афродиту, Майя – Гермеса и т. д. Смертные женщины также были возлюбленными Зевса: Алкмена родила от Него Геракла; Даная – Персея; Европа – Миноса, Радаманфа, Сарпедона и т. д. Зевс порождает богов, которые несли в Мир Закон, Порядок, Науку и Искусство.

У трона Зевса стоит хранящая законы богиня Фемиды. Она созывает, по повелению Громовержца, собрания богов на Олимпе и народные собрания на «Земле». Фемиды наблюдает, чтобы не нарушились в Мире Порядок и Закон. За правосудием наблюдает дочь Зевса, олимпийская богиня Дикэ – защитница Правды и враг Обмана. По Ее доносу Зевс Громовержец строго карает неправедных судий. Есть на Олимпе и богиня счастливой судьбы Тюхэ (Фортуна). Из рога изобилия (рога божественной козы Амалфеи, молоком которой был вскормлен Зевс) сыплет Она дары людям. Счастлив тот, кто встретит Ее на жизненном пути, но это бывает очень редко.

В греческой мифологии Существует Б-ЖЕСТВО, несоизмеримо более Древнее, Таинственное и Могущественное, чем Олимпийские боги. Это Таинственное Б-ЖЕСТВО проявляется в греческой мифологии как Неумолимый РОК. Нет такой силы, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено РОКОМ богам и смертным. Одни мойры ведают веления РОКА. Мойра Клото прядет нить жизни существа, оборвется нить – кончается жизнь, а мойра Лахелис вынимает, не глядя, жребий, который выпадает существу в жизни. Третья мойра Атропос заносит в длинный свиток судьбы все, что назначили ее сестры. То, что занесено в свиток судьбы, неизбежно.

Многие века хранил титан Прометей, прикованный по повелению Зевса к скале, тайну свержения Громовержца с престола. После бесчисленных страданий согласился, наконец, Прометей открыть тайну, как избежать Зевсу злой судьбы: «Пусть не вступает Громовержец в брак с морской богиней Фетидой, так как Мойры вынули такой жребий Фетиде: Кто бы ни был ее мужем, от него родится у нее сын, который будет могущественнее отца».

Согласно иудейской традиции каждый новый год (в Рош Ашана – Голова Года, конец сентября; по сути – день рождения Адама) начинаются Вышние Суды над всеми делами каждого живущего на земле человека, проделанные им за прошедший год. В течение 10 дней (с Рош Ашана до Йом Кипур) идут Суды, и на их основании Делаются новые записи в Книгу Жизни для каждого человека. Если имя человека стирается из Книги Жизни, то он неминуемо умрет в течение следующего года. Это 10 дней глубокого покаяния, в течение которых иудеи просят у Б-ГА доброй судьбы на будущий год, себе и своим близким. В эти дни можно еще что-то изменить. В десятый день (в Йом Кипур) Книга Жизни запечатывается, и уже ничего изменить нельзя.

Мы не будем далее углубляться в греческую мифологию. Отметим только, что мифы Древней Греции, без всякого сомнения, согласуются с представлениями древних евреев, ариев и хамитов, что лишний раз подтверждает наличие единого Источника знаний древних.

Греческая мифология содержит важнейший пласт информации об истории и устройстве Мироздания, позволяющий раскрыть ряд тайн ТОРЫ. Это не просто анахронизм и пережиток младенческого сознания человеческой цивилизации, это богатейший резервуар истин, который ждет еще своего раскрытия. Нужно только рассматривать греческую мудрость, запечатленную в виде исторических эпосов, не как наивную мифологию, а видеть за ее очеловеченными образами божеств и сказочными событиями и персонажами реальные силы и процессы Животворного Мироздания.

Когда Наука созреет до рассмотрения личностных аспектов основ Мироздания, богатейший опыт, сохранный в греческой мифологии, обретет еще свою новую жизнь и востребованность.

За каждой стихией, протяженным телом и взаимодействием Мироздания стоит относительно Разумная Сущность, имеющая свое Имя. Знать Имя Сущности значит иметь способ взаимодействовать и сотрудничать

чать с Нею. Эти Сущности как раз то, что евреи называют ангелами, а греки – богами. Только евреи ни в коем случае не поклоняются им, как это делали греки. Ангелы евреев делятся, по крайней мере, на три категории: Крувим (Окружение Б-ЖЕЕ), Святые Животные и Млахим (дословно – работники, посланники). Евреи полагают, что Ангелы (как светлые, так и падающие – духи нечистоты) не обладают свободной волей, но ограничены жесткими Б-ЖЕСТВЕННЫМИ установлениями и служат связью между Б-ГОМ и человеком. Каждый Ангел ответствен на своем поприще в зависимости от Его чина и высоты духа. Только если человек впускает в себя, например, дух нечистоты, зло может обрести свободу действия и способность нести смерть и вред мирам.

Имена Ангелов на иврите и в самом деле представляют опасность, и обращаться с ними следует с чрезвычайной осторожностью, дабы ненароком не задеть тонкие струны Мироздания и не навлечь на себя и своих близких Гнев Небес. Поэтому Алсигна предлагает при рассмотрении взаимосвязей протяженных объектов с ответственными за них разумными Субъектами использовать не еврейские Имена этих имперсональных Сущностей, а их греко-римские псевдонимы. Точно так же, как ныне в научной литературе для обозначения констант и переменных в формулах применяют в основном не символы иврита, а буквы греческого и латинского алфавитов.

В связи с этим перед нами открывается грандиозная работа по поиску согласований Имен Разумных Сущностей в различных религиозных учениях и национальных философских школах. Согласно Мидрашам, после вавилонского столпотворения у каждой вещи и ее Сущности должно быть по 70 Имен, присвоенных им Адамом Ришоном на заре Творения.

1.13.1. Орфики [119]

Древние и блаженные мужи, которые были лучше нас и стояли ближе к Б-ГУ

Платон «Филеб»

Примерно за полторы тысячи лет до явления Иисуса Христа борьба между поклонниками Солнца и Луны выражалась в двух теологиях, двух космологиях, и двух общественных организациях противоположного характера. Культ Юпитера и Урана (Ур – Свет) тянулись к Солнцу. Храмы Света возводились в горах и на возвышенностях, главенствующих над равнинами. Жрецы Светлого культа были столпами аскетизма и возвышенной строгости.

Лунные культы царили в лесах и глубинах долин. Культ тьмы черпал силы из мрачных расщелин земли. Тонкое ощущение влияния мрака возводило ведьм на вершину диких кланов и направляло через них грубую силу могучих варваров на торжество права силы. Культы тьмы отличались ритуальным развратом, человеческими жертвами, беспорядочной оккультной практикой и сладострастными обрядами.

Древнейшее фракийское святилище Юпитера возвышалось на горе Каукасион. Пелазги, Кельты, Скифы и Геты с трепетом почитали храм Света. Его иерофанты считались великими первосвященниками. С вершины Каукаиона они проливали Свет на всю Фракию, пока мрачные силы долин не превозобладали над умами темных народов.

Между жрецами Солнца и жрицами Луны царил смертельная вражда. «Это была борьба полов, идущая из ревности, открытая или замаскированная, никогда не прекращавшаяся между Мужским и Женским Началами, наполняющая своими превратностями всемирную историю, в которой отражается тайна Миров. Совершенное же соединение Мужского и Женского Начал образует и утверждает саму суть и тайну Божественности в основе возвышенной Природы» [119].

Греция и Фракия, населенная дорийцами, во времена, предшествовавшие явлению Орфея, были погружены во мрак лунного культа. Святилища Светлых проявлений Мужского начала были загнаны в горы и в безлюдные пустыни. Народ предпочел тревожный характер божественности Женского начала, вызывающего к жизни опасные страсти и слепые силы Природы. У дорийцев жрицы Луны (или тройной Гекаты) захватили верховную власть, овладев древним культом Вакха, и придали ему страшный кровавый характер. По ночам они поклонялись перед тройной Гекатой; затем, в бешеных круговых плясках вызывали подземного двуполого Вакха, с лицом быка. (В средние века ведьмы также вызывали Бафомета с лицом быка, в поклонении которому церковь обвиняла Тамплиеров).

Святилище Юпитера на Каукационе пришло в упадок и влачило жалкое существование когда, в нем появился египетский посвященный под именем Орфей (*ор* – свет, *фей* – от *рафа* – исцелять). Легенда гласит, что один греческий юноша из знатной и благородной семьи влюбился в прекрасную Эвридику, которую он спас от коварных чар Аглаонисы жрицы мрачной Гекаты, могущественной, злобной волшебницы Фессалии. Но любовь этого юноши с Эвридикой не была долгой. Аглониса подслала к ней вакханку с ядом. Чистая душа Эвридики вознеслась в Небеса, а несчастный юноша, ведомый любовью к Эвридике, встал на путь духовного совершенств-

ва. Он прошел через пещеры Самофраксии, через колодцы пирамид и могильные склепы Египта, проник в недра Смерти, он видел грани миров и Светящиеся сферы эфира богов. Земля раскрыла перед ним свои бездны, а Небо – свои пылающие храмы. Жрецы Изиды и Озириса выдали ему свои тайны. В одном из видений, вознесшаяся на небеса Эвридика, назвала его Орфеем.

После двадцати лет скитаний Орфей, посвященный в тайны Египта, вернулся на родину. Жрецы святилища Юпитера на Каукационе приняли его как спасителя. Вскоре влияние Орфея проникло во все святилища Греции. Он установил первенствующее значение Зевеса во Фракии и Аполлона в Дельфах, где и положил основу для трибунала Амфикионов, который привел Грецию к общественному единству. Созданием мистерий Диониса Орфей открыл основание для развития духовной души своей родины. Он стал первосвященником Фракии, великим жрецом Олимпийского Зевеса.

Орфей учил, что Единая СУЩНОСТЬ Господствует и в глубине Небес, и в бездне Земли. В НЕМ одновременно и глубина Указаний, и Могущественная Ненависть, и Восторг Любви. В НЕМ дыхание всех вещей, Негасимый Огонь, Мужское и Женское Начала. ОН Властелин Вселенной, Великий Учитель. ЗЕВЕС Есть Великий ДЕМИУРГ (ТВОРЕЦ). Дионис – ЕГО Сын, ЕГО Проявленный Глагол. Дионис – Светлый Дух, Живой Разум, Сияющий в обителях ОТЦА, в огненных храмах неизменного Эфира. Однажды, когда Дионис созерцал бездны небес через покровы созвездий, Он увидел в голубой бездне собственный образ. Образ двойника увлек Его в бездну. В одном из гротов Дионис увидел прекрасную майю Персефону, ткавшую покров, в котором переливались образы всего сущего. Титаны и Титаниды увидели Его. Первые – завидуя Его красоте, вторые – охваченные безумием любви бросились на Него и растерзали Диониса на куски. Распределив между собой частицы его тела, они бросили их в кипящий котел и погребли его сердце. Зевес (Юпитер) Поразил Титанов своими громами, а Минерва подняла сердце Диониса в высоты эфира; там оно превратилось в пылающее Солнце. Страдающие люди – это растерзанные части Диониса, которые ищут друг друга, терзаясь в неведении, преступлениях и бедствиях, на протяжении многих тысяч существований. Огневая теплота земли, бездна низших сил притягивает их. Но посвященные – знают, что наверху и что внизу, препятствуют их падению.

Б-Г Един и всегда Подобен САМОМУ СЕБЕ. ОН Управляет всей Вселенной. Боги (Ангелы) разнообразны и бесчисленны; Б-жественное вечно и не имеет конца. Величайшие из Богов – Души светил. Звезды, планеты, луны – каждое светило имеет свою Душу. Все они произошли из небесного огня и из первозданного Света. Каждое светило, вращаясь, вовлекает в свою сферу сонмы полубогов и просветленных душ, которые были когда-то людьми, и, спустившись по лестнице воплощенных царств, победоносно вознеслись снова на высоту, где кончается круг рождений. Посредством этих чистых духов Б-Г Дышит, Действует, Проявляется. Более того, они являются дыханием Его ДУШИ, лучами ЕГО Вечного РАЗУМА. Они направляют целые воинства низших духов, которые действуют в элементариях, они же управляют мирами. И вдали, и вблизи они окружают нас и, хотя по сути своей бессмертны, они облакаются в формы, меняющиеся сообразно временам, народам и странам.

Вакханки, ведомые волшебницей Аглаонисой, убедили вождей племен, обитавших у берегов Эбры восстановить культ мрачной Гекаты. Они собрались вместе, чтобы разрушить святилище Юпитера на Каукационе и уничтожить его жрецов. Чтобы предотвратить кровопролитие Орфей явился в стан неприятеля, сопровождаемый только одним учеником. Он произнес пламенную речь, от которой уверенность фракийцев пошатнулась.

Аглаониса, ощущая, что сила ее магии меркнет перед Светом Орфея и предчувствуя победу Неба над адом, бросилась на него с несколькими дикими вождями племен и они умертвили его.

Орфей умер, но его учение распространилось по всей Греции и Фракии. Греческие поэты говорили, что Аполлон чувствовал ревность к Орфею, ибо последнего призывали чаще, чем его самого. В действительности же, когда поэты воспевали Аполлона, великие посвященные призывали душу Орфея – спасителя и пророка. Его миссия дала Греции три великих века художественного творчества и умственного блеска. Орфическая идея явилась одновременно и первотолчком к идеальному синтезу Греции, вобравшему в себя силу Света и затем излучившему его на весь античный мир. Орфическая эволюция побудила к жизни физика Фалеса, законодателя Солона, поэта Пинандра, героя Эпаминонда.

Душа Орфея пронеслась подобно сияющему метеору по грозному небу зарождающейся Греции. Когда он погас, казалось, что мрак окутал воспоминания о нем. После ряда революций фракийские тираны сожгли книги Орфея, опрокинули его храмы, изгнали его учеников. Греческие города, дорожившие разнузданностью более, чем порядком и справедливостью, последовали за ними. Вновь восторжествовало многобожие. Решено было изгладить память об Орфее, уничтожить все упоминания о нем.

Через несколько столетий после смерти Орфея многие сомневались даже в его существовании. Софисты и риторы не признавали за Орфеем ничего, кроме легенды о происхождении музыки. Иониец Гомер и Гезиод даже не упомянули о дорийце Орфее в своих поэмах. Но факел Б-жественной Любви, зажженный Орфеем, подхватил Пифагор, а удержал Платон.

Пифагор явился таким же учителем для мирян Греции, каким Орфей был для жрецов ее святилищ. Он продолжил религиозную мысль своего предшественника, применив ее к новым временам. Пифагор привел все орфическое откровение в стройную систему, дал ей научное обоснование и нравственное утверждение в пифагорейском ордене.

Дельфийская пифия предрекла родителям Пифагора, богатому самосскому ювелиру Мнесарху и его жене Парфенисе, что «их сын принесет благо всем людям на все времена». По совету оракула супруги отправились в Финикию, в Сидон, чтобы предназначенный им сын появился на свет вдали от волнующих влияний их родины. Еще до рождения ребенок был посвящен его родителями Свету Аполлона. Когда ему исполнился год, его мать, по совету дельфийских жрецов, привела его в храм Адонаи в Ливанской долине. Там великий жрец благословил его. Затем семья возвратилась в Самос.

Сын Парфенисы отличался чрезвычайной красотой, кротостью и разумом. ГОСПОДЬ возбудил дух Пифагора к познанию всякой истины. Он учился у жрецов Самоса, начавших основывать в Ионии физические школы. В восемнадцать лет в Самосе он внимал Гермодаду о музыке и живописи, в двадцать лет на острове Лесбос Пифагор слушал уроки Ферекида по астрологии, предсказанию затмений, тайне чисел, медицине и т. д., в Милете он вступал в дискуссии с Фалесом и Анаксимандром. У греческих философов Пифагор учился искать синтез живых связей в единстве Великого Целого. Космос, Управляемый Б-ГОМ, образует «Священную Тетраду, необъятный и чистый символ, Источник Природы, Образец богов!» (Золотые стихи Пифагора, в переводе Фабра д'Оливэ). В смысле геометрических линий таится ключ Вселенной, закон тройственности, управляющий строением существ, и семирочности, лежащей в основе их эволюции. Миры гармонично движутся в ритме священных чисел, а равновесие земли и Неба поддерживается человеческой свободой. Три мира – естественный, человеческий и Б-ЖЕСТВЕННЫЙ взаимно определяют друг друга вселенским исполнением двойного движения: нисходящего и восходящего. Очищение и обретение свободы человека через тайное посвящение.

Пифагору было мало мудрости Ионийской и храмов Греции, охранявших знания Олимпийских богов. Знания Единого Б-ГА были доступны лишь в Египте. Гермодад посоветовал Пифагору постичь тайны египетского жречества. Тиран Самоса Поликрат, покровительствовавший философам и поэтам, дал Пифагору рекомендательное письмо к фараону Египта Амазису. Фараон передал его жрецам Мемфиса. Жрецы приняли Пифагора с недоверием и сделали все, чтобы сломить его волю. Но он принял все испытания с необыкновенной стойкостью и мужеством. Пифагор прошел все этапы посвящения, через смерть и воскресение в свете Озириса. Он воспринял учение о Глаголе-Свете, или Творческом Слове, о человеческой эволюции в течение семи планетарных циклов. Не раз, рискуя жизнью, он овладел властью над оккультными силами, прошел через опасные опыты магии и теургии. Смерть не пугала его на пути приобретения знания.

Египетские жрецы отнеслись с уважением к несгибаемой стойкости и великой силе души Пифагора. Они открыли ему все тайные сокровища Мемфиса. Пифагор достиг высшей степени посвящения. Он глубоко постиг священную математику, науку чисел или всемирных принципов. Строгость Египетских храмов, показала ему до какой степени может развиваться человеческая воля в безграничном влиянии, как на тело, так и на душу. «Наука чисел и искусство воли есть два ключа магии, говорили жрецы Мемфиса, они открывают все двери Вселенной». Он постиг Инволюцию Духа в материю путем Мирового Творчества и восхождение к Единству через эволюцию сознания.

Война обрушилась на долины Нила. Персы разграбили храмы Мемфиса и Фив. Персидский деспот Комбиз распорядился переселить часть египетских жрецов в Вавилон. В их числе оказался и Пифагор, остававшийся в вавилонском плену около двенадцати лет. В те времена в Вавилоне переплелись три религиозно-философских течения, представленные древними жрецами Халдеи, остатками персидских магов и избранной частью плененных иудеев. Пифагор получил возможность основательно изучать знания магов, владевших оккультными силами природы, носящими название пантоморфного огня и астрального света. В их храмах при солнечном дне наступала тьма, светильники зажигались сами собой, появлялось небесное сияние и слышались раскаты грома. Маги умели сосредотачивать и рассеивать астральную энергию «небесного льва», управлять магнетическими течениями земли – «змеями», они владели силами внушения и творчества. Они использовали формулы для вызывания духов, заимствованные из древнейших наречий земли, содержащих пантеистические имена богов, очистительные ритуалы белой и черной магии.

После египетского и халдейского посвящения Пифагор оказался одним из самых просвещенных людей своего времени. В храме Нейф-Изиды и в храме Бэла в Вавилоне он узнал много тайн относительно происхождения религий, истории континентов и человеческих рас. Пифагор впитал в себя Единбожие Евреев, дуализм Персов, троичность Индусов, политеизм Греков. Он синтезировал из всех этих мировых доктрин ключ к Единой Истине.

Единоплеменник Пифагора врач Дэмосед выпросил у персидского царя свободу для философа. Пифагор вернулся в Самос после тридцати четырех лет отсутствия. В Самосе Пифагор принял последний вздох своего учителя Гермодада и нашел в живых свою мать Парфенису. Самос погубил под деспотизмом персидского сатрапа: школы и храмы были закрыты, философы и поэты бежали от персидского гнета. Пифагор, забрав свою мать, направился в Грецию, чтобы разбудить дух истины в заброшенных орфических святилищах, вернуть силу и обаяние храму Аполлона, основать школу науки и жизни не для посвящения в тайны Мироздания.

Поэты говорили, что Юпитер, желая узнать центр земли, выпустил двух орлов с востока и от заката, и они встретились в Дельфах. Там пророчествовали пифии, там собирались Амфиктионы, там были воздвигнуты жертвенники сокровищ всех двенадцати эллинских племен для поклонения Богу Света – Аполлону. В орфиче-

ском смысле Дионис и Аполлон были два различных откровения одного и того же Б-жества. Дионис представлял эзотерическую истину, основу и внутреннюю суть вещей, открытую лишь посвященным. Он являл собой тайну жизни, прошлое и будущее существования, тайны отношения души к телу, Неба – к Земле. Аполлон олицетворял ту же идею в ее применении к земной жизни и общественному порядку. Он вдохновлял поэтов, покровительствовал медицине и законодательству. Он раскрывался в знании – пророчеством, в искусстве – красотой, в судьбах народов – справедливостью, в этике – очищением. Дионис означал Раскрытие Б-жественного Духа во Вселенной, а Аполлон – Его проявления в земной жизни человека. Один царствовал над таинственным и потусторонним, другой – над проявленным и живущим на земле.

Пифагор вскрыл в идее Аполлона Солнечный Глагол, Творческое Слово, Великого Посредника, Вишну индусов, Митру персов, Горуса египтян. Но древняя идея азиатского эзотеризма облеклась в легенде Аполлона пластическим изяществом красоты и проникающим светом Любви. Аполлон появляется из темноты Великой Ночи в Дэлосе. Все боги приветствуют его рождение. Он схватывает лук и лиру. Его кудри развиваются по ветру, и море начинает трепетать и сиять в волнах золота и пламени. Это – епифания Б-жественного Света, создающего порядок, сияние и гармонию, чудным отзвуком которых служит поэзия. В Дельфах Аполлон поразил стрелами чудовищного змея, являющегося из расщелины земли, и основывал храм, являющий образ победы Б-жественного Света над мраком и злом. Аполлон, убивающий змея, есть символ посвященного, пронизывающего темноту природы природой знанием, укрощающего природу телесности сиянием духовности. Забрызгав себя кровью чудовища, Аполлон искупил тень вины и очистился восьмилетним уединением под целебными лаврами Темпейской долины. Он вернулся в свое Дельфийское святилище, где пифия передает его пророчества и где ему внимают мудрецы и поэты. И тогда начинают петь соловьи, Кастальский источник разливает серебряными струями потоки Небесного Света. И Небесная Музыка звучит в сердце человека и проникает в невидимые артерии Природы. Аполлон олицетворяет Свет невещественный, Разумный, из которого исходит всякая истина. Физическое подобие этого Разумного Света – видимое Солнце, дающее жизненную энергию всему живому. Аполлон есть Сошествие Неба на землю, внедрение духовной красоты в тело и кровь, излияние непреходящей истины через вдохновение и пророчества. Он проявляется в ведических гимнах под формой Агни, Всемирного Огня, пронизывающего все Сущее. Он раскрывается в учении Зороастра, эзотерическая сторона которого кроется в культе Мифраса. Мифрас – Мужской Огонь, а Митра – Женский Свет. Зороастр ясно высказывал, что ПРЕДВЕЧНЫЙ Создал посредством Живого Глагола Небесный Свет, семя Ормузда, начало материального света и огня. Посвященные Египта призвали тот же Свет под именем Озириса (Властелина Разума). В Книге Мертвых души умерших плывут к этому Свету в барке Изиды. Это тот Свет Жизни еврейской Каболы, который начался с пасука ТОРЫ: «И Сказал Б-Г: да будет Свет. И стал Свет».

По возвращении в Грецию Пифагор посетил многие храмы. Он оставался некоторое время у Эпименида, в святилище Юпитера; присутствовал при Олимпийских играх; стоял во главе мистерий Элевсиса, где иерофант уступил ему свое первенство. Повсюду его встречали как власть имущего. Дельфы ждали его. Пифагор явился в Дельфы не для поклонения Аполлону, а для просвещения его жрецов, воспламенения в них энтузиазма и веры. Поднять в них дух значило обновить душу Греции. Он развернул перед их глазами мистерии великой Изиды, провел через испытания и дал им возможность проникнуть в светлую область Озириса. Он раскрыл пред ними тайны халдейских магов, вызвал живой огонь, в котором проявились образы демонов и богов. Он предупредил их, что персидский деспотизм собирает железной рукой варварские племена, явившиеся из центра Азии и глубин Индии, чтобы ринуться на Европу. Он учил: «Что такое Аполлон? Глагол Единого Б-ГА, вечно проявляющийся в мире. Истина есть Душа Б-ГА, а Свет ЕГО – Тело».

Пифагор оставался с дельфийскими жрецами целый год, пока они не были посвящены в Б-жественные науки и искусства. Храмовая послушница Феокла, особо ощущавшая тонкие миры, с трепетом внимавшая речам Пифагора, стала пифией, погружающейся в свет Орфея и направляющей становление Великой Греции.

Во времена персидского деспотизма лучшие умы Греции перебрались в южную Италию и основали там города-колонии Сиракузы, Агригент и Кротон. Город Кротон располагался на берегу Тарентского залива и был наиболее цветущим местом южной Италии. Он славился дорийским общественным строем, атлетами, побеждавшими в Олимпийских играх, врачами, соперничавшими с Асклепиадами. Пифагор избрал эту колонию центром своей деятельности, видимо, потому, что в его планы входило создать школу не для жрецов, а для мирян. Республики Эллады и Пелопоннеса не допустили бы такого новшества. Города Тарентского залива были менее заражены демагогией и допускали больше свобод. Пифагор нашел благоприятное отношение к своим реформам в кротонском сенате. Порфирий и Ямвлих описывают его первые выступления в Кротоне скорее как мага, а не философа. Он проповедовал в храме Аполлона для юношей и в храме Юноны для девушек. Силой своего красноречия он вырвал молодежь из сетей распутства, убедил женщин пожертвовать драгоценности на благо просвещения. Сенат Кротона сначала был встревожен его деятельностью. Но Пифагор убедил наиболее влиятельную часть граждан, что создание школы для мирян несколько не повредит их республике. Через несколько лет в окрестностях города возникло здание, окруженное обширными портиками и прекрасными садами. Кротонцы дали ему название храма Муз. Этот храм стал коллегией этического воспитания и академией наук. Пифагор пытался внести в человеческое сознание начала научной религии. Вместе с тем в сокровенном сосуде своего уче-

ния он сохранил для народов Запада суть восточной Мудрости. Крогонское братство предвосхитило бурное развитие Италии, мировое господство Рима и синтез эллинизма и иудаизма в христианстве. Пифагор стремился привить Науку к «Древу жизни», вскрыть внутреннюю сущность Истины, способную возбудить в человеке глубокую веру в Единого ТВОРЦА.

Пифагор с большим трудом допускал новичков в круг своих учеников, говоря, что «не из каждого дерева можно вырезать Меркурия». Молодые люди, желавшие вступить в орден Пифагора, проходили через период испытаний. Они должны были пройти несколько стадий посвящения, проявив при этом доброжелательность, усердие, выдержку и ум, на что уходило несколько лет. Только после этого они допускались до сокровенного знания.

Сначала Пифагор учил, что родителей надо уважать, а друзей выбирать. Затем перед учеником вскрывалось целая иерархия превышающих человека существ героев, полубогов и богов – покровителей жизни, служащих посредниками между человеком и Таинственной СУЩНОСТЬЮ Бытия. И лишь затем перед ним вскрывалась сокровенное Единство Вездесущего Б-ЖЕСТВА. Числа заключают в себе тайну вещей, а всемирная гармония есть совершенное Выражение Б-ГА. В глубине античных мистерий все боги сводились к Верховному ЕДИНО-НАЧАЛИЮ. Это откровение становилось ключом к тайнам Космоса. Эту идею сохраняли в тайне до посвящения. Вступивший не знал о ней ничего. Ему давали лишь предвидение этой истины в отражениях, перенесенных на музыку и числа.

Семь священных ладов, построенных на семи нотах семиструнника, соответствуют семи цветам света, семи планетам и семи видам существования, повторяющимся во всех сферах материальной и духовной жизни. Мелодии этих ладов, введенные в душу человека, заставляют ответно вибрировать ее, отвечая на каждое дуновение истины. Очищение души предшествовала очищению тела. Природа приведенного в гармонию тела, начинает отражать Б-жественную Гармонию Мира. Радость, подобная концерту Муз, который оставляет в душе следы небесной гармонии.

Ученика прошедшего несколько первых лет обучения и испытаний принимал сам Пифагор во внутреннем дворе, куда допускались только верные последователи. Отсюда названия *эзотерические* (те, которые внутри) и *экзотерические* (те, которые снаружи). Вторая ступень посвящения начиналась с откровения в полном обоснованном изложении, начиная с таинственной науки чисел до высшего назначения Б-жественной Психеи. Цифры, буквы, геометрические фигуры и другие начертания, служившие знаками этой алгебры оккультизма, были понятны лишь одним посвященным. Эти знания доверялись только после клятвы молчания. Пифагор доверил эти знания книге *Hieros Logos* (Священное Слово). Эта книга не дошла до нас, но поздние сочинения пифагорейцев Филолая, Архита, Гиероклеса, а также диалоги Платона, трактаты Аристотеля, Порфия и Ямвлиха знакомят нас с ее принципами. Пифагор называл своих учеников «математиками» потому, что их обучение начиналось с учения о числах. Но священная математика Пифагора в корне отличалась от современных воззрений. Число рассматривалось не как абстрактное количество, но как существенное и деятельное качество верховной Единицы – Б-ГА, Источника Мировой Гармонии. Наука чисел была наукой Живых Сил, Б-жественных Качеств в действии как в мирах (макрокосме), так и в человеке (микрокосме). Египетскую науку «Священного Глагола» Пифагор трансформировал в Теорию Чисел.

Пифагор увлекал своих учеников из мира форм и видимостей, уничтожал пространство и время и уносил их с собой в Великую Монаду, в Саму Суть несотворенного Бытия. Пифагор называл ее Единицей, заключавшей в себе всю полноту Гармонии, которое есть Мужское начало всепроникающего Огня, Самодвижущийся РАЗУМ, Нераздельный и Непроявленный, Творящий преходящие миры, Единый, Вечный, Неизменный, Скрытый под многообразием форм, которые приходят, изменяются и уходят. В трансцендентной математике доказывалось алгебраически, что ноль умноженный на бесконечность, равняется Единице. Б-Г, Неразделимая СУЩНОСТЬ; Единица, содержащая Бесконечность, Имя Ему – ОТЕЦ, СОЗДАТЕЛЬ, Знак ЕГО – Живой Огонь, Символ Духа, в котором Сущность всего. Вот первое из всех Начал.

Пифагор учил, что с момента проявления Великая Монада действует посредством Творческой Диады. Проявления Б-ГА Двойственны: Неразделимая Сущность и делимая субстанция; Начало Мужское – активное, животворящее, и Начало Женское – пассивное, пластическая живая инстанциональность, Б-жественная Цибелла, влекущая в Своей светозарной мантии бесчисленные сонмы душ. Вечно-Мужское и Вечно-Женское достигают полного слияния лишь в бездонных недрах Единого Б-ГА. Диада обладает производящим началом, порождающим все многообразие Мира. И вместе с Миром являет собой Триаду. Оракул Зороастра говорит: «Число три властвует повсюду во вселенной, Монада есть Начало его». Троичность, заключенная в Монаде, образует Священную Тетраду. Значение Тетраграммы в порядке идей. В ней заключены основы наук, способ эволюции, источник различных религий и их верховное единство. Пифагорейцы клялись Тетрадой: «Клянись ТЕМ, Который Запечатлел в наших сердцах Священную Тетраду, величавый и чистый Символ, Источник Природы и образец Богов». Пифагор учил, что главные основы содержатся в четырех первых числах. Складывая и перемножая их, можно получить все остальные числа. Пифагор придавал особую важность числам семь, девять и десять. Девять Муз олицетворяли тройную троичность, проявленную в девяти мирах и образующих со всей Вселенной Священную Декаду.

Наука Чисел была лишь вступлением, предварительной подготовкой к великому пифагорейскому посвящению. Эзотерическая космогония и психология прикасались к величайшим проблемам жизни, к опасным и ревностно охраняемым тайникам оккультных наук и искусств. Пифагор преподавал учение третьей степени посвящения ночью. Эта часть учения начиналась с космогонии. В центре Вселенной Пифагор ставил Огонь. В эзотеризме Востока Огонь есть символ Духа, Б-жественного Вселенского СОЗНАНИЯ. Духовная и материальная эволюции Мира – два встречных движения по лестнице Бытия. Материальная эволюция проявляется в воплощении Желаний ТВОРЦА. Духовная эволюция связана с ростом сознания индивидуальных монад, прилагающих усилия в течение нескольких жизненных циклов к воссоединению с Б-жественным Духом, из которого они произошли. Подлунная сфера – это область телесной жизни; означала зону действия земного притяжения, ограниченную «кругом рождения». Сферы шести планет и Солнца соответствуют восходящим категориям духов. Олимп (сфера неподвижных звезд) есть область Совершенных Душ, обитель Высшего Духовного Порядка. Говоря о созвездиях Большой и Малой Медведицы, Пифагор назвал их «руками Реи-Цибеллы». Планеты он называл «собаками Прозерпины» (Прозерпина – Власть, облекающая души в тела). Пифагор учил об эфирных светилах, не видимых для нас, но составляющих часть Солнечной системы. Это места пребывания блаженных душ. Он называл их антиподом земли, освященным центральным Огнем. Эпифания (вид сверху) пифагорейского эзотеризма оставляла глубокий след в душах и жизнях учащихся.

Из школы Пифагора вышли политические деятели, астрономы, физики, математики, музыканты и поэты. Повсюду, где к власти приходили ученики Пифагора, устанавливались порядок, единство и справедливость. Благое влияние этого великого ума и великого характера пролилось на многие греческие колонии, окружающие Кротон. Светозарное владычество Пифагора над прогрессивной частью человечества длилось более четверти века. Пифагор собирался встретить свое восьмидесятилетие в расцвете славы.

Тьма вырвалась наружу в Сибарисе. Там произошел народный мятеж. Пятьсот аристократов просили приюта в Кротоне. Но сибаристская демагогия требовала их выдачи. Власти Кротона, опасаясь мести мятежников, хотели выдать аристократов. Но благодаря вмешательству Пифагора беглецы получили политическое убежище. Сибарис объявил войну Кротону. Армия кротонцев под началом ученика Пифагора, знаменитого атлета Милона, нанесла решительное поражение сибаритянам. Тьма помутила ясность рассудков. Слепая ненависть овладела побеждающими. Сибарис был разорен дотла и превращен в пустыню. Пифагорейцы, не принимавшие какое-либо пролитие крови, оказались по локоть в крови. Невозможно допустить, что Пифагор и Милон дали согласие на такое проявление варварства, это противоречит всем их жизненным принципам. Но жажда мести старинным противникам, подстрекаемые древним змием, возбудили разнузданные страсти.

Пролитие крови порождает цепь насилия. После захвата Сибариса народ Кротона потребовал раздела его земель. На гребне народного волнения демократическая партия потребовала изменения конституции, т. е. лишить привилегий совет тысячи и уничтожить совет трехсот. Пифагорейцы, принимавшие участие в совете трехсот, воспротивились реформе, в корне разрушающей все труды их учителя.

Некто Килон, житель Кротона, некогда искавший доступ в школу Пифагора, но отвергнутый учителем за мстительный и властный характер, встал во главе недовольных пифагорейским влиянием. По версии Диогена Лаэртского, однажды вечером, когда сорок четыре главных члена пифагорейского ордена собрались у Милона, Килон собрал своих сторонников. Они окружили и подожгли дом Милона. Тридцать восемь пифагорейцев – весь цвет ордена и сам Пифагор погибли.

По Дицзарку, Пифагор спасся вместе с Архипом и Лизисом. По этой версии после поражения ордена Пифагор скитался из города в город до Метопонта. Жители Метопонта утверждали, что принятый ими мудрец умер покойно в их городе. Они показывали Цицерону его дом и могилу. Позднее многие города Тарентского залива оспаривали право на останки Пифагора.

Не исключена и другая версия. Пифагор был адептом высшей степени египетского посвящения. Если посвященный Озириса был египтянином, он оставался в храмах Мемфиса или Фив. Посвященному чужеземцу дозволялось иногда вернуться на родину для основания нового культа или для выполнения той или иной миссии. Но прежде он давал торжественный обет абсолютного молчания относительно храмовых тайн. Раскрывать учение Озириса дозволялось не иначе, как под тройным покровом мистерий или мифологических символов. Если адепт нарушал молчание, роковая смерть настигала его, где бы он ни был. По всей видимости, Пифагор не давал обета молчания, поскольку он покинул Египет во время войны, в числе пленных. Но маловероятно, что его деятельность во главе кротонского братства оставалась вне пристального внимания египетского жречества. Поэтому не исключено, что конец пифагорейскому союзу был предопределен в Мемфисе.

Жизнь Пифагора оказалась окутанной мифами и легендами, и историкам бывает трудно отделить факты от вымысла. По одной из версий правитель острова Самос Поликрата вынудила Пифагора покинуть город. Он поселился в пещере, расположенной в отдаленной части острова, где он мог свободно предаваться размышлениям, не опасаясь преследований. Пифагор был настолько одинок, что в конце концов был вынужден подкупить юношу, чтобы тот согласился стать его учеником. Некоторые историки высказывают предположение, что его также звали Пифагором и что позднее именно он прославился тем, что посоветовал атлетам есть мясо, чтобы улучшить свои спортивные результаты. Пифагор-учитель платил своему ученику по три обола за каждый урок, который тот посещал. По проществу

нескольких недель он заметил, что упорное желание юноши учиться превратилось в любовь к знанию. Чтобы испытать своего ученика, Пифагор сделал вид, что не в состоянии платить ему и что уроки придется прекратить. В ответ ученик стал сам оплачивать уроки [137].

Говорят, что, вступая в братство, каждый последователь Пифагора должен был пожертвовать в общий фонд все свое состояние. Каждый, кто покидал братство, получал сумму вдвое большую, чем первоначальное пожертвование, и в память о нем воздвигалась надгробная плита.

Множество мифов о странных ритуалах, совершавшихся членами братства, и немногочисленность надежных сведений об их математических достижениях — следствие той доведенной до предела таинственности, которой окружали себя пифагорейцы.

Достоверно известно, что Пифагор установил этос, изменивший ход развития математики. По существу пифагорейское братство было религиозным сообществом, и одним из идолов, которым поклонялись пифагорейцы, было Число. Пифагорейцы полагали, что постигая соотношения между числами, они смогут раскрыть духовные тайны Вселенной и тем самым приблизиться к богам. Особое внимание члены братства уделяли натуральным числам (1, 2, 3, ...) и дробям. Натуральные числа вместе с дробями (отношениями этих чисел) на языке профессиональных математиков принято называть рациональными числами. Среди бесконечного множества чисел пифагорейцы выискивали те, которые имеют особое значение. Среди наиболее значимых для них чисел были так называемые «совершенные» числа.

По мнению Пифагора, совершенство числа зависит от его делителей (т. е. тех чисел, которые делят без остатка исходное число). Например, делителями числа 12 являются 1, 2, 3, 4, и 6. Если сумма *лей* числа больше самого числа, то такое число называется «избыточным». Например, 12 – избыточное число, так как сумма делителей равна 16.

С другой стороны, если сумма делителей числа меньше самого числа, то такое число называется «дефектным». Например, 10 —дефектное число, так как сумма его делителей (1, 2, и 5) равна лишь 8.

Числа, сумма делителей которых в точности равна самому числу, пифагорейцы считали особенно важными. Такие числа они называли совершенными. Например, число 6 имеет делителями 1, 2 и 3 и, следовательно, совершенно, так как $1 + 2 + 3 = 6$. Следующее совершенное число равно 28, так как

$$1 + 2 + 4 + 7 + 14 = 28.$$

Совершенный характер чисел 6 и 28, имевший столь большое математическое значение для пифагорейцев, был признан и другие культурами, обратившими внимание на то, что Луна совершает оборот вокруг Земли каждые 28 дней, и утверждавшими, что Б-Г Творил мир за 6 дней.

В сочинении «Град Б-жий» Св. Августин высказал мысль о том, что хотя Б-Г Мог Сотворить мир в одно мгновение, ОН Предпочел Сотворить его за 6 дней, дабы поразмыслить над совершенством мира [137].

По мнению Св. Августина, число 6 совершенно не потому, что Б-Г Выбал его, а потому, что совершенство внутренне присуще природе этого числа.

По мере того, как натуральные числа возрастают, совершенные числа встречаются все реже. Третье совершенное число 496, четвертое —8128, пятое — 33550336, шестое — 8589869056. Пифагор заметил, что совершенные числа не только равны сумме своих делителей, но и обладают некоторыми другими изящными свойствами, например, совершенные числа всегда равны сумме нескольких последовательных натуральных чисел. В самом деле,

$$6 = 1 + 2 + 3,$$

$$28 = 1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7,$$

$$496 = 1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8 + 9 + \dots + 30 + 31, \quad 8128 = 1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8 + 9 + \dots + 126 + 127.$$

Пифагор открыл, что совершенство чисел тесно связано с «двоичностью». Числа $4 = 2 \cdot 2$; $8 = 2 \cdot 2 \cdot 2$; $16 = 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2$ и т. д. называются степенями числа 2 и могут быть представлены в виде 2^n , где n означает число перемноженных двоек. Все степени числа 2 чуть-чуть «не достают» до того, чтобы стать совершенными, так как сумма их делителей всегда на единицу меньше самого числа. Иначе говоря, все степени двойки слегка дефективны [137]:

$2^2 = 2 \cdot 2$	$= 4,$	делители 1,2,	сумма 3,
$2^3 = 2 \cdot 2 \cdot 2$	$= 8,$	делители 1,2,4,	сумма 7,
$2^4 = 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2$	$= 16,$	делители 1,2,4, 8,	сумма 15,
$2^5 = 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2$	$= 32,$	делители 1, 2, 4, 8, 16,	сумма 31.

Двумя столетиями спустя Евклид уточнил замеченную Пифагором взаимосвязь между двоичностью и совершенством. Евклид открыл, что совершенные числа всегда кратны двум числам, одно из которых равно степени числа 2, а другое на единицу меньше следующей степени числа 2:

$$6 = 2^1 \cdot (2^2 - 1),$$

$$\begin{aligned}28 &= 2^2 \cdot (2^3 - 1), \\496 &= 2^4 \cdot (2^5 - 1), \\8128 &= 2^6 \cdot (2^7 - 1).\end{aligned}$$

Современные компьютеры позволили продолжить поиск совершенных чисел и обнаружить чудовищно большие экземпляры таких чисел, например, $2^{216690} \cdot (2^{216091} - 1)$. Это число содержит более 130000 цифр и подчиняется правилу Евклида.

Пифагор восхищался разнообразием структуры и свойствами совершенных чисел и с почтением относился к их тонкости и коварству. На первый взгляд, совершенство – свойство, сравнительно простое для понимания. Тем не менее, древние греки так и не сумели постичь некоторые фундаментальные особенности совершенных чисел. Так, хотя они знали множество слегка дефектных чисел (т. е. чисел, сумма делителей которых на единицу меньше самого числа), им не удалось найти слегка избыточное число (т. е. число, сумма делителей которого на единицу больше самого числа). Они не сумели также доказать, что таких чисел не существует.

Хотя никакого практического значения эта задача не имела, ее решение могло бы прояснить природу совершенных чисел, и поэтому она заслуживала изучения. Такого рода загадки интриговали пифагорейское братство, и спустя две с половиной тысячи лет математики все еще не могут доказать, что слегка избыточные числа существуют.

Помимо изучения соотношений между числами Пифагора интересовала взаимосвязь между числами и природой. Он понимал, что природные явления подчиняются законам, а эти законы описываются математическими соотношениями. Одним из первых открытий такого рода стало фундаментальное соотношение между гармонией в музыке и гармонией чисел. Самым важным инструментом в древнегреческой музыке был тетрахорд, или четырехструнная лира. И до Пифагора музыканты ценили те ноты, которые при совместном звучании создавали приятный эффект, и настраивали свои лиры так, чтобы при пощипывании струн возникала гармония. Но музыканты не понимали, почему те или иные сочетания нот гармоничны, и не обладали объективной системой для настройки своих инструментов. Лiry они настраивали только по слуху, пока не устанавливалось гармоническое звучание струн.

Ямвлих (IV в.), написавший девять книг о пифагорейском братстве, рассказал о том, как Пифагор пришел к открытию принципов, лежащих в основе музыкальной гармонии: «Однажды Пифагор походил мимо кузницы и услышал удары молотков о железо, производивших гармонические звуки. Рассмотрев молоты кузнецов, Пифагор понял, что те, которые издавали гармоничное звучание, находились в простом математическом отношении: их массы образовывали друг с другом простые дроби. Иначе говоря, молоты, вес которых составляет половину, две трети или три четверти веса какого-то определенного веса, порождают гармоничное звучание. С другой стороны, если вес молота не образовывал простого отношения с весом любого из других молотов, то они порождали дисгармонию. Пифагор впервые открыл математическое правило, которому подчиняется физическое явление, и показал тем самым, что между математикой и физикой существует фундаментальная взаимосвязь. Со времени этого открытия ученые стали заниматься поиском математических правил, которым, судя по всему, подчиняется каждый физический процесс в отдельности, и обнаружили, что числа возникают во всех явлениях природы.

Например, некоторое число входит в закономерность, которой подчиняются длины рек. Профессор Ханс-Хенрик Стоун, специалист по физике Земли из Кембриджского университета, вычислил отношение между истинной длиной реки от источников до устья с расстоянием «по прямой», как могла бы лететь птица. И хотя это отношение варьируется от реки к реке, его среднее значение лишь немногим больше 3, т. е. истинная длина реки примерно в 3 раза больше расстояния от источников до устья по прямой.

В действительности это отношение примерно равно 3,14, что близко к значению числа π – отношению длины окружности к ее диаметру.

Появление числа π в отношении истинной длины реки от истоков до устья к расстоянию от ее истоков до устья по прямой – результат борьбы между порядком и хаосом. Эйнштейн первым высказал предположение о том, что реки имеют тенденцию ко все более извилистому руслу, так как малейшее искривление русла приводит к ускоре-

Свободно колеблющаяся открытая струна издает основной тон. Если точно посередине струны создать узел колебания, то издаваемая струной нота станет на октаву выше и будет гармонировать с исходной нотой. Другие гармоники можно получить, перемещая узел в другие положения, соответствующие простым дробям (например, трети, четвертой или пятой части) от полной длины струны [137]

нию течения у «наружного» берега, что в свою очередь приводит к ускорению эрозии берега и увеличению крутизны поворота. Чем круче поворот, тем быстрее течение у «наружного» берега; чем быстрее течение, тем сильнее эрозия; чем сильнее эрозия, тем круче поворот реки, и т. д.

Однако, существует в природе процесс, который укрощает хаос: увеличение извилистости русла приводит к появлению петель и, наконец, к «короткому замыканию» русла: река спрямляет русло, а замкнутая петля, оставшаяся в стороне от русла, становится старицей. Баланс между этими двумя противоположными факторами приводит к близкому к π среднему значению отношения истинной длины реки и расстоянием между истоками и устьем по прямой. Отношение равно π чаще всего встречается у рек, текущих по равнинам с очень слабым уклоном. Таковы, например, реки Бразилии и Сибири.

Пифагор ощущал, что всюду, от гармонии в музыке до планетных орбит, скрыты числа, и: «Все сущее есть Число» [137].

После гибели цвета ордена пифагорейцы покинули Кротон и разбрелись по другим городам Древней Греции. Но преследования продолжались, и в конце концов многие пифагорейцы были вынуждены поселиться на чужбине. Вынужденная рация способствовала тому, что пифагорейцы распространили математическое учение по всему Древнему Миру.

Орфей осветил Грецию на заре ее становления. Пифагор озарил ее как полуденное Солнце. Платон подхватил факел истины на закате эллинизма.

Платон родился в Афинах в 429 г. до Р.Х. Это был год смерти Перикла, величайшего государственного мужа Греции. Перикл был душой Афин. Когда спартанцы наводнили Аттику, Перикл возглавил оборону Афинской республики. В мрачную годину испытаний на траурной процессии похорон погибших в войне, Перикл произнес речь, украсившую весь античный мир: «...могила героев – вся Вселенная, а не мавзолей, обремененный пышными надписями». После смерти Перикла в Афинах начались мятежи и ссоры разнузданной демагогии.

Платону было двадцать пять лет, когда после морской битвы при Эгос-Потамосе, Афины потеряли независимость. Но в эти нелегкие времена вездесущности прагматичных риториков и софистов над Афинами взошла новая заря человеческого разума. На ее публичных площадях Сократ говорил о врожденном чувстве справедливости и Истины. То, что Пифагор доверял только просвещенным, Сократ вынес на улицу. Чтобы нести знания в народ, он отказался от просвещения в элевсинские мистерии. Он привнес эру открытого знания. Платон был просто очарован речами Сократа. Его учение разбудило в Платоне стремление к Свету Истины. Через три года после того, как юноша стал учеником философа, Ареопаг приговорил Сократа к смерти за его выступления против многобожия и развращение молодежи. Греция наиболее славна в истории человечества именно тем, что ее храмы никогда не преследовали философов. Святилища спокойно взирали, как Фалес утверждал, что все из воды; Гераклит – что все из огня, Демокрит – что все из атомов. Эллинская цивилизация не знала такой борьбы между священниками и философами, как в эпоху иудейского, христианского и мусульманского эзотеризма. Элевсинские жрецы, проклиная виновников Пелопонесской войны, не произнесли ни одного слова против Сократа, а дельфийская пифия от имени Аполлона предрекла, что «нет человека более свободного, более спра-

ведливого и более разумного, чем Сократ». Философы Греции гибли от политиканов. Есть, однако, мнение, что Сократ погиб за то, что раскрыл тайны Солнечных мистерий [56].

После казни Сократа Платон, потрясенный смертью учителя, покинул Афины. В поисках Истины он слушал многих философов Малой Азии. Затем он отправился в Египет, чтобы пройти посвящение Изиды. Оттуда он отправился в южную Италию, где он искал следы пифагорейцев. Там он приобрел на вес золота один из манускриптов Пифагора. Возвратившись в Афины, Платон организовал школу, просуществовавшую порядка 900 лет под именем «Академия». Платон намеревался продолжить дело Сократа в распространении Истины. Но он не мог открыто нести учения, которые пифагорейцы и египетские жрецы покрывали тройным покровом мистерий. Обет молчания и благоразумие заставляли его маскировать эзотерическую доктрину.

С уничтожением великого посвящения стали закрываться двери в потусторонние миры, которые открывались для великих пророков Израиля. Талмуд говорит, что после походов Александра Македонского пророчество в мире прекратилось вовсе. Египетское и греческое жречество постепенно зачахло, Мемфис и Дельфы пришли в упадок из-за резкого ограничения доступа за пределы материальности, а учение великих орфиков продлило свое существование до наших дней.

Раскрывая широкие горизонты перед человеческим сознанием, Платон установил вне узких систем и отдельных религий категорию Идеала. Идеализм есть утверждение Б-жественных истин душою, вопрошающей о тайнах Бытия интимными свойствами внутреннего голоса. Идеал есть мечта о Б-жественной родине. Устанавливая категорию Идеала, Платон создал верную пристань для миллионов душ, раскрыл путь спасения для тех, кто не в состоянии достичь в этой жизни прямого посвящения, но мучительно стремится к Истине. Сила платонических идей коренилась на эзотерической основе, поэтому афинская Академия простояла почти тысячелетие, продолжила жизнь в александрийской школе и в учениях первых апологетов и отцов Христианской церкви. После годин забвения античный мир возродился во Флоренции. Медичи призвали ученого грека, изгнанного из Константинополя, и тем положили начало флорентийской Платоновской академии. Прошли тысячелетия, но мир по-прежнему зримо ощущает светлое влияние орфиков и их наследия: пифагорейцев и неоплатоников.

1.13.2. Аристотель [139]

Аристотель написал два основных сочинения, касающиеся изучения Природы: «Физику» и «Метафизику». Под «метафизикой» до сих пор понимается то, что под ней понимал Аристотель: учение о сверхчувственных принципах и началах мира, т. е. обо всем том, что не может быть воспринято в нашем чувственном опыте, нашими органами чувств.

Философское понимание Природы («натурфилософия») возникла задолго до Аристотеля, на рубеже VII-VI веков до н.э. Аристотель написал первую историю древней греческой философии и объяснил, что «физическое» – то, что мы воспринимаем чувствами и называем *явлениями*, – нельзя понять и осмыслить без «метафизического», без того, что лежит за пределами наших восприятий. Это невоспринимаемое, лежащее в основе всех видимых явлений мира, было названо «Началом», или первоначалом мира: по-гречески – *«архэ»*.

Первосущность мира, «архэ», рассматривалась как некая первоначальная материя. Иными словами, сущность вещей, скрытая за материальными явлениями, сама обладает свойствами материи: например, воды (Фалес) или огня (Гераклит). Однако и «вода», и «огонь» понимались как *невидимые первосущности*, т. е. рассматривались метафизически: это – скрытая основа вещей, а не сами вещи. В основе непонятного и неразумного не лежала высшая разумная связь мирового целого, некий объективный Закон, сообщающий смысл вечному Мировому Процессу. Этот всеобщий внутренний смысл, по Гераклиту, есть *Логос*, всеобщий закон причинности. Если есть Логос, разумный смысл бытия, то бытие познаваемо разумом.

Впоследствии другая натурфилософская школа греков – элейская (Парменид, Зенон) – даже отождествила Бытие с Разумом. Согласно Пармениду, истинно мыслимое, познаваемое, есть вместе с тем и истинно сущее. Ложного, неразумного бытия нет вовсе: оно потому и ложно, что его нет, что оно – лишь обманчивая видимость. Ложное — это все то, что у нас перед глазами, все то, о чем говорят нам наши обманчивые чувства, все вечно изменяющееся и преходящее. Истинное (оно же есть Бытие) есть вечное, ни из чего не происходящее, не уничтожающееся, неизменное и потому совершенное. Парменид, тоже не отделявший еще физическое от метафизического, представлял себе вечно сущее архэ в виде неподвижной однородной сферы.

Мы видим как сходство, так и различие между двумя школами натурфилософии – ионийской и элейской. И в той, и в другой из этих натурфилософии метафизическое – архэ – принципиально не отделяется от физического. (Так, «огонь» Гераклита вполне материален, хотя он образует метафизический состав богов и духов.

Архэ Парменида – это материальная, хотя и метафизическая – неосязаемая и невидимая – оболочка Космоса). И ионийцы, и элеаты одинаково признают познаваемость Бытия, а следовательно и его мировой, всеединый смысл, постигаемый одним только *умозрением*.

Но есть между ними и различие. Ионийцы признавали сами изменчивые явления опыта реальными, элеаты – нет. Для Гераклита само абсолютное, т. е. Бытие, есть изменение, становление, переход из небывшего в существующее. Не будет изменений – не будет Бытия. Бытие есть *процесс*, развитие. Оно абсолютно, потому что есть закон этого развития – Логос, скрытый Разум вещей. Наоборот, для Парменида абсолютно лишь неизменное:

всякий генезис, становление – это химера, порождаемая обманом наших чувств.

Как видим, смысл вещей, «физис», понимались ионийцами и элеатами противоположным образом. Для первых наука о природе была наукой о явлениях, т. е. о видимом, для вторых это была наука о скрытой сущности явлений, т. е. невидимом. Ни та, ни другая школы не могли соединить противоположности – объяснить видимое через невидимое. А без этого невозможна была физика как наука, предмет которой – наблюдаемый мир. Физика не выделилась еще из натурфилософии.

Как объяснить «видимое» с помощью невидимого? Этим вопросом мучается и Алсигна. Многие ответы содержатся в иудейской Каболе. Но чтобы перекинуть мост между Наукой и Каболой необходимо определить как семантическая основа принципов Разумного построения Бытия, т. е. букво-цифры иврита связаны с конкретными метрико-динамическими состояниями локальных и глобальных участков псевдоповерхности Естества. Официальная Наука упорно пытается опереться на свой исток – греческую натурфилософию, и совершенно не желает посмотреть по сторонам. Она даже не хочет разобраться в том, что сама греческая натурфилософия зиждилась на основании глубинных познаний более древних ближневосточных культур и Египта.

Алсигна продолжает взывать к Науке, что чтобы увидеть дальше нужно заглянуть глубже чем греческая натурфилософия – к ее истокам.

Ионийцы, не отделявшие метафизическое от материального, считали, что причина движения содержится в самой материи. Поэтому они считали материальные стихии одушевленными: они сами себя движут. Такое представление подвергалось сокрушительной критике со стороны элеатов, считавших основой мира Разумное Начало.

Их последователь Анаксагор сказал даже: «Разум правит миром». Если начало мира – Разум, то его никак нельзя отождествить с косной, неопределенной, слепой и неразумной стихией. Анаксагор ясно выразил дуализм (двойственность), к которому пришла древнегреческая мысль: с одной стороны, Природа есть материя (стихия), с другой – Дух (Разум). Материя косна, пассивна; то, что ее движет, так или иначе должно отличаться от того, что движется, т. е. от самой материи. Причина движения материи – назовем ее силой – должна иметь иную природу, нематериальную.

Параллельно с ионийцами и элеатами в Древней Греции существовала еще школа атомистов (Левкипп, Демокрит), которые стали мыслить вещество чисто материально, изгоняя из него всякое духовное или психическое начало. Демокрит провозгласил, что в мире нет ничего, кроме мельчайших, однородных по своему составу тел – атомов – и пустоты, в которую они погружены и стихийно в ней движутся. Сама пустота, наряду с атомами признаваемая как реальность, позволяла объяснить факт движения, но не его причину. Законы движения не выводимы из концепции атомизма, которая не признает ни одушевляющей, ни даже движущей вещь-силы. Движение обусловлено лишь случайными столкновениями атомов – неким слепым роком. Русский философ С. Трубецкой так охарактеризовал греческий атомизм: «В системе Демокрита обнаруживается основной абсурд материализма – признание случайного, как случайного, за абсолютное».

Ясно, что в атомизме физика никак не выделилась еще из метафизики: в ней отсутствует причинное объяснение движения. Между тем, физика как самостоятельная наука, отличная от метафизики, должна была стать наукой о причинах движения: без причинного объяснения, как мы видели, нет науки. С другой стороны, физика не отличалась бы от метафизики, если бы ее предметом не были предметы материального мира – видимые тела. Требовалось найти нематериальную причину движения материальных тел.

Аристотелю, чтобы создать физику, приходилось соединять, казалось бы, несоединимые противоположности: материальное и нематериальное, видимое и невидимое. Или, выражаясь иначе, единичное и общее.

Платон, учитель Аристотеля, считал общее, или общие понятия единственной реальностью, или, если говорить на философском языке, *субстанциями*. По Платону, субстанциальны, т. е. истинно реальны, так называемые «эйдосы», или общие идеи, имеющие, как считал Платон, самостоятельное бытие. Эйдосы и бытие – для Платона одно и то же; единичные же вещи – предметы видимого мира – *не* субстанциальны, стало быть, не реальны. Предмет физики – видимая природа – был для Платона иллюзией.

Чтобы создать физику, Аристотель должен был отвергнуть субстанциальность платоновых эйдосов. Он объявил истинно реальным, действительным, единичные вещи. Знаменитая фреска Рафаэля в Ватикане изображает Платона и Аристотеля стоящими рядом: Платон указывает вверх, в небо, Аристотель показывает на здешний, окружающий нас земной мир. Это символ их различия в понимании бытия. Для Платона бытие потусторонне: истина принадлежит миру иному. Аристотель видит бытие в мире здешнем: изучайте мир видимых вещей, истина содержится в нем.

Но если считать реальностью одни только единичные предметы, то следовало признать, что общие понятия, отныне лишенные реальности, не могут быть причиной движения материальных тел. Каким образом реальное может приводиться в движение чем-то нереальным, лишенным подлинного бытия?

Аристотелю пришлось отказаться от мысли, что причина наблюдаемых явлений есть что-то отличное от них. Только такой ценой можно было сформулировать науку о наблюдаемых явлениях природы – физику. В соответствии с этим был сформулирован и предмет науки физика – Природа. По Аристотелю, предметы, существующие по природе, имеют в самих себе причину движения или покоя. Вот его буквальное определение: «*Природа, или естество, в первичном и собственном смысле есть сущность, а именно сущность того, что имеет начало движения в самом себе как таковом*» («*Метафизика*», книга V, глава 4, 1015a, 13-15).

Такое определение вполне соответствовало греческому пониманию движения: движение понималось греками не просто как перемещение в пространстве, а в более широком смысле – как порождение или возникновение, т. е. вообще любое изменение вещей (существительное *Physis* – «Природа» – происходит от глагола *phyo* — «порождаю», «возникаю»). Таким образом, Природа понималась Аристотелем как деятельная сила, вызывающая изменение и рождение всех единичных вещей, и эта деятельная сила присуща самим вещам как самостоятельное их свойство.

В таком определении было гораздо более уступки ионийцам, чем элеатам. По существу, Аристотель полностью признал тезис Гераклита, что мир в основе своей есть изменение и развитие, и создавал физику как систему развития. Но можно ли было создать систему без общих понятий? Можно ли вообще создавать науку о единичных предметах?

Мы знаем, что нельзя. Научное знание начинается там, где формулируются всеобщие и обязательные принципы («законы природы»). Но где живут принципы? В каком мире живут «законы»? Разве в материальном, осязаемом и видимом мире? Допустив, что причины явлений находятся в самом мире явлений, Аристотель приходил к противоречию с им же самим данным определением научного знания. Чтобы создать физику как Науку, требовалось сделать уступку и элеатам – привлечь общие понятия, которые требовалось каким-то образом приспособить для описания мира единичных вещей.

Итак, с одной стороны, Аристотель отвергал реальность и самостоятельное существование потусторонних вечных идей, а с другой – никак не мог обойтись без этих платоновых «эйдосов». Он вместе с Платоном утверждал, что предметом знания может быть только, во-первых, необходимое, во-вторых, неизменное. Он признавал, что все, воспринимаемое чувствами в видимом мире, случайно и изменчиво: оно одинаково может быть и не быть. Лишь нечувственное, но мыслимое в понятиях столь же неизменно, как и сами понятия, и только оно может быть предметом Науки. Аристотель все это понимал и в этом соглашался с Платоном. Он даже создал науку формальной логики – системы оперирования с отвлеченными понятиями, и на ее основе построил логическую теорию доказательств, безупречно действующую и используемую при любом научном выводе и по сей день. В этом была его уступка противоположной школе – элеатам, для которых познавать мир и логически мыслить было одно и то же (и даже Мысль и Бытие было одно и то же). Но стоило только помыслить мир как неизменное и вечное Бытие (неподвижная сфера Парменида), как возникал вопрос: каким образом вечно неподвижное может сообщать предметам движение? В муках такого внутреннего противоречия рождалась у Аристотеля физика.

Физика в совершенно отвлеченном от метафизики виде оказалась противоречивой и не могла бы существовать. Аристотель не отделил физику от метафизики. Он дал физике самостоятельное существование как

науки, построив ее, как здание на фундаменте своей метафизики – т. е. исследования высших причин, Вечно-го, бестелесного и неподвижного НАЧАЛА, Которое есть причина всякого движения и развития в мире.

Чтобы объяснить явление через сущность, видимый и чувственно осязаемый мир – через невидимое Бытие, движимое – через движущее, Аристотель не мог обойтись без метафизики.

Система причинности Аристотеля зиждется на двух его основных метафизических понятиях – материи и форме. Заметим, что «материя» (*hyle*) введена Аристотелем в натурфилософию как понятие метафизическое: это то же, что «архэ» у Анаксимандра, только оно теперь приспособлено к физическому объяснению явлений с помощью причинности. «Форма» (*morphe*) — другая метафизическая сущность, это то же самое, что платонов «эйдос», с тем различием, что эйдосы теперь не замкнуты в себе, но воздействуют на материю.

Как осуществляется причинное действие эйдосов на материю? Для ответа на этот вопрос Аристотель создает свое учение о потенции и акте, ключевое в его системе развития. Именно оно позволило ему соединить, казалось бы, несоединимое — бытие и явление, общее и единичное. Материя (*hyle*) как таковая не есть еще бытие: она не есть единичное, не есть вещь. По своим исконным свойствам она напоминает более древнее понятие греческой метафизики — *хаос*, т. е. беспредельные, неоформленные стихии. Само слово *hyle* означает неоформленный материал («древесина»). Не обладая изначала Бытием, материя обладает потенцией (возможностью) Бытия. Возможность переходит в действительность, когда материя приобретает оформленность — *morphe* тогрпе. Воздействие тогрпе превращает потенциально существующее в действительно существующее — в бытие; сам же процесс оформления бытия носит название *гилеморфизм* (*hyle + morphe*). Учение ионийцев, наделявших духовностью саму стихию, получило название гилозоизм (*hyle + zoe* – жизнь).

В метафизике причинности Аристотеля материя обретает бытие в виде *явлений*, т. е. единичных вещей чувственного опыта. Сущность вещей неимеет, кроме явлений, никакой иной, высшей реальности: Бытие и есть явления. Сущность – это то, что является; Бытие есть то, что реализуется (актуализируется) в смене явлений. Явления в самой их естественной последовательности осуществляют действительность Бытия. Никакого иного бытия нет. Это осуществление сущности в явлениях называется у Аристотеля именем *энтелехия*.

Отсюда получает свое объяснение движение. Движение (в более общем смысле — изменение, становление) есть реализация возможного под причинным воздействием формы. Другими словами: это есть претворение потенциального в актуальное. Так Аристотель обосновывает свое определение Природы, которое мы уже приводили: Природа – это подвижное и телесное, имеющее причину своих изменений в самом себе. Природа, как предмет физики, состоит из движущего и движимого, причем то и другое дано нам в смене явлений: движущее само становится движимым под воздействием энтелехии. Природный мир есть совокупность вещей и их энтелехий. Энтелехии, по Аристотелю, столь же принадлежат Природе, как и вещи: это оформляющие начала, которые из материи (хаоса) создают оформленный предмет – вещь. Совокупность энтелехий, как оформленная и организованная Природа, теряет свойства стихий хаоса: она называется гармония, или *Космос*.

Обыкновенно полагают, что физика нуждалась в метафизике только при своем возникновении и лишь в начальный период своего существования. Считают, что метафизика Аристотеля — это как бы повивальная бабка физики. Она помогла ей появиться на свет, после чего стало возможно с почестями отпустить бабку. Она более не нужна: ребенок живет и развивается без нее.

Это мнение неправильно. И мы уже видели: если отпустить «повивальную бабку» — метафизику, то физика станет невозможной; она станет противоречием. Далее мы увидим, что теория тяготения Ньютона, возникшая почти через 2000 лет после Аристотеля, никак не могла бы возникнуть и существовать без новой, уже ньютоновой метафизики. Если мы отвергнем эту ньютонову метафизику, то придется признать то, о чем говорил остроумный Шопенгауэр: что сам закон тяготения столь же чудесен, как и слова «камень падает потому, что он этого хочет». Действительно, этот закон станет чудом, потому что он потеряет свой научный смысл, тот, который имел в виду Аристотель: наука должна отвечать не только на вопрос «как», но и главным образом на вопрос «почему». Между тем ньютонов «закон тяготения» лишь описывает, как притягиваются тела, но не дает ответа, почему они притягиваются. Иными словами, он не отвечает на вопрос о причине явления тяготения.

А при рассмотрении теории тяготения XX века — общей теории относительности — мы убедимся, что и она, как наука, была бы невозможна без своей, эйнштейновой метафизики.

Чем Аристотель объяснял падение тел на Землю? Для объяснения и падения тел, и движения планет Аристотелю не понадобилась сила тяжести, потому что не понадобилась совсем никакая сила.

Означало ли это, что Аристотель отказался искать причину падения тел? Нисколько. Без причин для него

не было научного объяснения, но мы уже знаем, что объяснять падение тел «силой тяжести» — значит никак не объяснять его. Нельзя ли обойтись для объяснения падения без какой-либо силы, такой, с которой Земля на расстоянии притягивает тела?

В космографии (науке о Космосе) Аристотеля это оказалось возможным. Мы видели: для построения физики — науки о движении — он прямо привлек метафизику. (И не забудем, что «сила тяжести» у Ньютона — метафизическое понятие). Сделать это заставили Аристотеля апории Зенона: иначе выходило бы, что движения нет (это была бы тоже метафизика, но она Аристотеля не устраивала). Метафизическая суть аристотелевой энтелехии движения заключалась во введенном им понятии естественного движения. Это как раз то движение, которое не нуждается ни в какой силе — ни в силе, действующей со стороны других тел, ни в силе, действующей на расстоянии (эти последние силы Аристотель отвергал вовсе). Естественными для Аристотеля являются два вида движений:

- 1) движение вверх и вниз;
- 2) движение планет по круговым орбитам вокруг центра мира.

Первый род движения тел происходит в результате стремления тела занять свое естественное место. Не напоминает ли это вам «желание» камня все время падать? Камень и у Аристотеля тоже всегда хочет падать вниз. Но не все тела хотят у него падать: элементы некоторых стихий, например, «огня», больше любят подниматься вверх. Смысл слов «тяжелый» и «легкий» связаны у Аристотеля вовсе не с каким-либо притягательным действием Земли, но лишь с существованием естественных местоположений тел по отношению к центру Земли. «Тяжелое» тело — это то, которому свойственно занимать более близкое к Земле положение. В нашем представлении все свободные тела падают, потому что на все тела действует тяготение Земли. У Аристотеля некоторые тела сами по себе поднимаются — значит, никакого «тяготения» Земли для него нет.

Как видим, Аристотель из всех возможных местоположений тел выделяет особые — естественные, свойственные каждому телу. Это означает, что не все точки пространства равноправны: пространство не является однородным. Это существенно отличает пространство Аристотеля от полностью однородного пространства Галилея-Ньютона. Структура же этого неоднородного мира определяет Космос, который, во-первых, конечен, и, во-вторых, имеет Центр. Движение планет вокруг Центра присуще 1) вечно; 2) неизменно; 3) происходит в соответствии с вечной структурой Космоса и потому не вызывается никакой внешней силой.

Небесные тела естественным образом, без принуждающей внешней силы движутся вместе с теми сферами, на которых им положено находиться в соответствии с космической иерархией — структурой Космоса.

Все остальные земные движения тел, кроме естественных движений по прямым линиям, являются вынужденными, т. е. происходят только под воздействием сил. Прямолинейное равномерное движение тоже требует внешней силы — это второе существенное отличие механики Аристотеля от механики Галилея-Ньютона. Оно означает отрицание закона инерции Галилея-Декарта, который гласит: в отсутствие сил *все* тела сами по себе движутся равномерно и прямолинейно. Сила, требующаяся для приведения тела в движение, прямо пропорциональна скорости тела (а не его ускорения) — это было отрицание будущего второго закона Ньютона.

Как видим, у Аристотеля появляется понятие «сила», хотя она требуется не для всех видов движения. Что он под нею понимал? Исключительно контактное воздействие одних тел на другие, иных сил для него не было. Так, выпущенная из лука стрела во время полета движется не по инерции (как сказали бы мы сейчас), но потому, что ей непрерывно передается сила от лука *через* последовательные воздушные слои. Стрела не могла бы двигаться, если бы пространство было пустым. Это еще одно, уже четвертое принципиальное отличие физики Аристотеля от классической физики ХУП-ХІХ веков: по Аристотелю, никакое физическое воздействие одних тел на другие не может передаваться через пустоту, потому что *пустоты вообще не существует*. Пустота означала бы однородность пространства, а это нарушило бы иерархию (т. е. последовательную совокупность) естественных местоположений в Космосе по отношению к Центру.

Аристотель, следовательно, для любых движений находит причину, но только этой причиной нигде не является «тяготение» — способность одного тела (Земли) притягивать другое на расстоянии и через пустоту. Причина вынужденных земных движений — прямое воздействие других тел. Причина естественных движений земных тел — свойственное им стремление занять правильное, по природе им присущее положение в Космосе.

Наконец, что движет небесные сферы, вместе с прикрепленными к ним небесными телами, вокруг центра мира? «Система развития» Аристотеля есть система последовательных причинных воздействий одних явлений на другие, или *закон причинности*: каждое явление природы имеет свою непосредственную причину,

также принадлежащую к миру природных явлений. Но если причина данного явления есть другое явление, а его причина — третье явление и т. д., то, очевидно, причинный ряд явлений будет бесконечным. Как можно что-либо познать тогда в Природе? Тогда ведь для объяснения какого-либо одного явления придется находить нескончаемый ряд причин. Выходит, отыскивая причины явлений, мы никогда не сможем объяснить ни одного явления.

Аристотель и разрешил эту проблему ее введением Первоначальной Причины, Такой, Которая сама причины не имеет. Эта Первопричина, сообщающая вечное и неизменное движение Космосу – есть Б-Г (ДЕМИУРГ). Физика Аристотеля оказалась нуждающейся не только в метафизике, но и в ТВОРЦЕ.

Ньютону для создания, неаристотелевой физики снова понадобится Б-Г и своя, новая метафизика. Но, хотя физика Аристотеля была отвергнута, его научная методология (а это и есть метафизические основания физики) легла в основу всего дальнейшего развития естествознания. Правда, галилеево-ньютоновская механика возродила не метафизику Аристотеля (отрицавшую пустое пространство), а метафизику атомистов, категорически Аристотелем отвергнутую.

Метафизика оказалась важнее и долговечнее основанной на ней физики. Физика может умереть, а метафизика остается. Физика Аристотеля в XVII веке умерла навсегда, чтобы больше никогда не возродиться. Но метафизика Аристотеля, пережив его физику, возродилась вновь.